

Этот замысел только успел возникнуть у него в голове, как Лин Юю внезапно пошатнулась — словно оступилась на ровном месте — и всей массой навалилась прямо на него.

— Ах!

Раздался ее тонкий, испуганный вскрик.

Хрустальное блюдо с фруктами выскользнуло из ее рук, описав в воздухе нелепую дугу.

Шлеп!

Разноцветные фрукты вперемешку с липким, тягучим соком угодили точно в цель — прямо на мольберт, на котором работал У Совэй.

Это был его рабочий инструмент.

На нем красовался коммерческий эскиз, над которым он корпел несколько ночей и который был готов лишь наполовину.

В одно мгновение рисунок превратился в бесформенное месиво.

[Ого! Вот это точность!]

[Эта девица что, с навигатором ходит? Как она умудрилась так идеально упасть?]

[Только мне жалко рисунок? Он выглядел таким красивым... а теперь это просто куча грязи.]

[Мастер чайной церемонии включила коронный номер: «Я не хотела». Зрители, приготовьтесь.]

Мозг У Совэя на три секунды отключился.

— Прости! Прости, Совэй-гэ! — Лин Юю в панике, с глазами на мокром месте, начала лихорадочно выхватывать салфетки, пытаясь всё стереть. — Я правда не хотела, я просто поскользнулась...

Она извинялась и одновременно хаотично терла бумагу салфетками.

Но хрупкий лист не выдержал такого варварства: краски смешались с фруктовым соком, мгновенно расплылись и превратились в невнятное цветочное пятно.

— Да чтоб тебя, хватит!

Громовой рык заставил вздрогнуть всех присутствующих в гостиной.

Это был Цзян Сяошуай.

Он оттолкнул руки Лин Юю и заслонил собой У Совэя, словно разъяренный лев, защищающий своего детеныша.

— Ты ослепла или у тебя руки из одного места растут? Глаза разуй, когда ходишь!

— Я... я правда не хотела...

Слезы Лин Юю градом покатались по щекам, плечи задрожали. Она выглядела такой обиженной и беспомощной.

— Я просто... хотела угостить Чи Чэна фруктами...

Сказав это, она украдкой, сквозь слезы, бросила полный обиды взгляд на Чи Чэна, сидевшего на диване.

Этот взгляд окончательно вывел Цзян Сяошуаю из себя.

— Угостить? По-моему, ты хотела отправить саму себя на тот свет! С такой невинной мордашкой творишь такие мерзости! Я таких двуличных змей, как ты, перевидал немало!

Слова Цзян Сяошуаю были предельно резкими, он не собирался проявлять к Лин Юю никакого снисхождения.

Су Цзинь скрестила руки на груди, на ее губах играла неприкрытая усмешка. Тан Синь, попивая кофе, с явным интересом наблюдала за спектаклем.

— Сяошуай, ты перегибаешь, Юю не нарочно, — Го Чэньюй поспешил вмешаться, пытаясь сгладить углы.

— Заткнись! Тебя здесь никто не спрашивал! — Цзян Сяошуай огрызнулся и на него.

Го Чэньюй получил отпор и только досадливо потер нос.

— Ладно, хватит ссориться.

Вперед вышел Вэнь Яньчэнь.

— Юю не хотела, давайте на этом закончим. У Совэй, я куплю тебе новый мольберт, а ущерб за рисунок я компенсирую.

— Дело не в деньгах! — Глаза Цзян Сяошуа по покраснели. — Этот рисунок он готовил целую вечность, чтобы отправить на конкурс!

У Совэй смотрел на испорченную работу, чувствуя, как внутри словно выжгли кусок души.

Он рисовал это целую неделю.

Теперь всё было уничтожено.

Он медленно поднял голову и посмотрел на Лин Юю. В его глазах не было гнева — только холодная пустота.

Лин Юю вздрогнула под его взглядом и зарыдала еще пуще.

— Совэй-гэ, не смотри так на меня, мне страшно... Я правда возмещу ущерб, хорошо? Я заплачу любую сумму...

У Совэй внезапно усмехнулся.

— Не нужно.

Он присел, молча оторвал изуродованный лист от мольберта, скомкал его и бросил в мусорное ведро.

— В конце концов, это была всего лишь грошовая картинка.

Он поднялся, похлопал Цзян Сяошуа по плечу, его голос звучал хрипло.

— Забудь, пошли отсюда.

Он уже собрался подняться наверх.

— Стоять.

Все обернулись к Чи Чэну.

Чи Чэн подошел прямо к мусорному ведру, наклонился и выудил оттуда скомканный У Совзем лист.

[!!! Змеелов в деле!]

[Подобрал! Он поднял рисунок, который выбросил наш кролик!]

[Хозяин вышел на сцену, остальным — подвинуться! Мастер чайной церемонии, твое возмездие пришло!]

Чи Чэн неторопливо, по миллиметру, начал разглаживать смятый бумажный комок.

Лист, который должен был быть ровным, теперь напоминал маринованную капусту, испачканную мерзким соком и пятнами.

Чи Чэн смотрел на этот мусор добрых десять секунд. Затем поднял взгляд и наконец посмотрел на Лин Юю, которая всё еще тихо всхлипывала.

— Это ты сделала?

Лин Юю замерла, испуганно глядя на него.

— Чи Чэн-гэ, я...

— Я спрашиваю: это ты сделала? — повторил Чи Чэн.

Его голос был ровным, без единой эмоции, но в нем чувствовалось больше давления, чем в любом крике. Го Чэньюй рядом почувствовал, как у него мурашки побежали по коже: это было предвестие того, что Чи Чэн выходит из себя.

— Да... но я не хотела...

— Извинись.

— Я... я уже извинилась... — Лин Юю говорила сквозь слезы, пытаясь вызвать жалость.

— Извинись перед ним.

Чи Чэн указал на испорченный рисунок в своих руках.

Лицо Лин Юю мгновенно потеряло все краски, а затем резко залилось пунцовым цветом.

Извиниться перед куском мусора? Это было все равно что втоптывать ее достоинство в грязь!

— Чи Чэн-гэ... — она хотела что-то добавить, в ее голосе сквозило унижение.

— Мое терпение не бесконечно, — Чи Чэн перебил ее, его взгляд стал ледяным.

Все были ошеломлены таким поведением Чи Чэна.

Лин Юю стояла на месте, ее лицо пылало, она даже забыла плакать. Наконец, будто приняв какое-то решение, она топнула ногой и, рыдая, убежала наверх.

Чи Чэн, не выпуская из рук испорченный рисунок, развернулся и тоже поднялся наверх. Проходя мимо У Совэй, он задержался и тихо произнес:

— Иди за мной.

У Совэй, словно марионетка на ниточках, последовал за ним в комнату 301.

Как только дверь закрылась, Чи Чэн бережно расправил рисунок на столе.

— Есть способ восстановить? — спросил он.

У Совэй покачал головой, его голос звучал глухо:

— Краски смешались, бумага деформировалась, это безнадежно.

Чи Чэн долго смотрел на рисунок, сохраняя молчание.

— Нарисуй еще раз, — внезапно сказал он.

— Что?

— Я сказал, нарисуй еще один такой же.

— Зачем? — У Совэй не понимал. — Это же просто обычный рисунок.

— Я сказал рисовать — значит, рисуй.

У Совэй, глядя на его властный тон, почувствовал, как гнев, копившийся весь день, наконец

вырвался наружу.

— Не буду! Это мой рисунок, хочу — рисую, хочу — нет! Тебя это не касается!

— Вот как? — Чи Чэн поднял голову, его темные глаза впились в него. — Я не только заставлю тебя рисовать, — он сделал паузу и добавил по слогам: — Отныне ты будешь рисовать только для меня одного.

Сказав это, он сбросил настоящую бомбу:

— Я выкупил твой кабальный контракт у продюсеров шоу. С этого момента, У Совэй... я твой босс.

В ушах У Совэя зазвенело, звуки мира словно отдалились. Он почувствовал, что попал в огромную паутину, которую плели для него уже давно. А паук, спрятавшийся в центре, одаривал его зловещей и торжествующей улыбкой.

В этот момент ожил динамик виллы — раздался голос режиссера:

— Внимание, дорогие гости! Чтобы укрепить наши дружеские узы, сегодня в восемь вечера в главном зале Замка Сердца состоится грандиозный бал-маскарад. Просьба прийти в подходящих нарядах и подготовить творческий номер, чтобы блеснуть своими талантами.

<http://bllate.org/book/19431/1903217>